

Он, вероятно, был единственным в доме Янь, кроме двух стариков, кто относился к Сун Цзиньшу искренне.

Достав из объятий мешочек с печеньем «цветы сливы», он развернул упаковку и придвинул к Сун Цзиньшу, мягко сказав:

— В прошлый раз я заметил, что тебе нравится, поэтому сегодня днём отправил служанку в лавку на севере города купить немного. Специально прислал тебе.

От этих одних слов у Сун Цзиньшу покраснели глаза. Он взял одно печенье «цветы сливы», поднес ко рту и откусил маленький кусочек — рот наполнился чистым ароматом сливы.

Съев кусочек, он больше не мог решиться и с нежностью положил оставшееся печенье обратно в промасленную бумагу, аккуратно запечатав её, чтобы оно не отсырело.

Янь Чи смотрел на это и чувствовал горечь. Он поднял руку и погладил мягкие волосы на макушке Сун Цзиньшу, с губ вырвался бессильный вздох.

— Хотя я и не управляю делами дома Янь, но если ты потерпишь какую-то обиду, можешь сказать мне, я прочту для тебя этого парня, Янь Чэна.

Услышав это, Сун Цзиньшу улыбнулся, прищурил глаза, и покачал головой, показывая, что обид не было.

Янь Чи, конечно, не поверил его словам: на лице Сун Цзиньшу почти не осталось мяса, и лишь багровая родинка между бровей добавляла ему немного живости.

Янь Чи с некоторой разочарованностью погладил внутреннюю сторону своего левого запястья, где находилась тусклая светло-красная родинка.

Вскоре после ухода Янь Чи Янь Чэн начал постепенно приходить в себя.

Вероятно, из-за жара сознание его было немного затуманено. Увидев Сун Цзиньшу, дремлющего у кровати, Янь Чэн внезапно схватил его за запястье, приложив такую силу, словно хотел переломать его кости.

Сун Цзиньшу спал чутко, и от этого захвата тут же проснулся, с ужасом глядя на Янь Чэна, полностью потерявшего самообладание.

Увидев страх в глазах Сун Цзиньшу, Янь Чэн разжал пальцы, и, наклонившись к свечке на столике, он увидел, что на запястье Сун Цзиньшу уже посинело.

С чувством вины он потянулся растереть это место, но Сун Цзиньшу вжался в себя, словно хотел отдернуть руку, но в итоге сдержался и просто оставил её перед Янь Чэном.

Увидев такую реакцию, Янь Чэн почувствовал и боль в сердце, и вину за то, что ведёт себя как нелюдь.

Он взял с кровати лекарственную мазь, начал наносить её на руку Сун Цзиньшу и втирать. Ему только что приснился кошмар: ему снилось, что они вместе с Сун Цзиньшу упали со скалы, и Сун Цзиньшу, спасая его, подставил себя под удар и был разбит в кровавое месиво.

На его висках выступил холодный пот от испуга, и даже рука, которой он мазал лекарство, дрожала — ему приходилось прилагать силы, чтобы это не было заметно.

В комнате было так тихо, что слышно было лишь их переплетающееся дыхание. Дыхание Янь Чэна было ещё немного учащённым: он был человеком, только что пережившим смерть, и этот сон нельзя было назвать добрым предзнаменованием.

Сун Цзиньшу опустил ресницы, его высокий нос отбрасывал тень на щеки, а чёрные, как вороново крыло, волосы были небрежно собраны сзади, делая кожу ослепительно белой, а родинку на лбу — яркой и трогательной.

Нанеся лекарство, Янь Чэн не отпустил руку Сун Цзиньшу, а наоборот, потянул его на кровать. Сун Цзиньшу покраснел до корней волос и, держа слёзы, сел рядом с Янь Чэном.

Глядя на него, Янь Чэн понял, что Сун Цзиньшу, должно быть, вспомнил о чём-то плохом.

Он вздохнул и стёр слёзы с уголков его глаз. Мазь от ран была хорошая, рука уже не болела, и он позволил себе обнять тонкую талию Сун Цзиньшу, которую можно было обхватить одной ладонью.

В его голосе звучали и сердечная боль, и беспомощность.

— Если тебе не нравится, ты можешь отказаться. Я больше не буду тебя принуждать.

Услышав это, Сун Цзиньшу поднял на него глаза, словно не понимая слов.

Отказаться?

Он помнил, чем закончился его прошлый отказ: Янь Чэн тогда совершенно безразлично прижал его к кровати и мучил всю ночь, после чего Сун Цзиньшу болел целый месяц, прежде чем начал поправляться.

Сейчас домом Янь полностью заправлял Янь Чэн, и никто не смел ему отказывать, не говоря уже о Сун Цзиньшу, который вообще не имел никакого статуса.

Он решил, что это бред больного, и не стал принимать слова близко к сердцу, не кивнул в ответ и не пообещал.

Янь Чэн, глядя на него, понял, что Сун Цзиньшу ему не верит, и знал, что это дело не быстрое.

Они поженились с Сун Цзиньшу почти полгода назад, и каждый раз он либо насильно овладевал им, либо выгонял из комнаты, заставляя спать на дровянике, и даже бил его при слугах.

А теперь он говорит: «Я так тебя люблю, я исправлюсь и буду хорошо к тебе относиться».

То, что Сун Цзиньшу не счёл его сумасшедшим, было уже неплохо.

Янь Чэн снял с пояса подвеску из белого нефрита и повесил на пояс Сун Цзиньшу. Эта подвеска была заказана старым господином Янь в храме для его старшего и младшего сыновей; он и Янь Чи носили её десять лет и никогда не снимали.

Сун Цзиньшу побоялся принять её и, сопротивляясь, хотел вернуть, но Янь Чэн настойчиво прижмал его руки.

— Если я в будущем снова буду так с тобой поступать, ты просто смело давай мне пощёчину.

С этими словами он схватил руку Сун Цзиньшу и начал бить ею себя по лицу, снова доводя того до слёз. С такой силой удары казались ему скорее почёсыванием.

Сун Цзиньшу не смел ударить, но и не мог вырвать руку из grasp Янь Чэна, так что в конце концов, прикусив нижнюю губу, он позволил Янь Чэну прижать себя к себе, охваченный онемением.

Янь Чэн был очень странным. С прошлого утра, когда он проснулся, он стал очень странным.

Мысли Сун Цзиньшу улетели далеко. Он убедился, что в последнее время ничего не делал такого, что могло бы заставить Янь Чэна вдруг захотеть подшутить над ним, и махнул рукой.

Янь Чэн всегда был разгульным сыном богатых родителей, но так как в голове у него кое-что было, у него было немало последователей и поклонников, а его поведение было ещё более дерзким и своевольным.

Сун Цзиньшу думал об этом разрозненно и незаметно уснул.

Он всё это время терпеливо просидел у кровати Янь Чэна, и был голоден, и хотел спать.

Янь Чэн склонился и увидел Сун Цзиньшу, спокойно спавшего у него на груди, улыбнулся, потянулся рукой и коснулся его губ — они были очень мягкими, от лёгкого нажатия погружались внутрь.

Даже во сне Сун Цзиньшу не чувствовал себя в безопасности: он свернулся калачиком, руки крепко сжимали одежду на груди.

Янь Чэн с болью в сердце обнял его плечи и наклонился, оставив лёгкий поцелуй на родинке у него на лбу.

Когда Сун Цзиньшу проснулся, было уже утро следующего дня. Светило яркое солнце, снаружи доносились голоса служанок и шуршание снега, который подметали во дворе.

Сун Цзиньшу откинул одеяло, чтобы встать, но, глянув на своё состояние, тут же юркнул обратно под одеяло.

С него уже сняли одежду, на нём была только тонкая белая рубаха, а нижнего белья не было вовсе; две длинные ноги тревожно переплелись.

Лицо Сун Цзиньшу мгновенно вспыхнуло. Янь Чэна в комнате не было, и он не знал, забрали ли его одежду служанки на стирку.

Он окинул взглядом комнату, но не нашёл следов своей одежды, а шкаф с вещами Янь Чэна стоял у стены под окном.

Он опустил голову и поразмышлял о том, какова вероятность, что Янь Чэн его убьёт, если он побежит к шкафу с голыми ногами и наденет его одежду, и в конце концов, с бледным лицом, отказался от этой идеи.

Обычно он не спал с Янь Чэном, поэтому и его одежды в комнате не оставалось. Впервые в жизни Сун Цзиньшу испытал, что такое отчаяние.

Прежде чем он смог выбраться из этого чувства, занавеска внутренней комнаты была приподнята, и вошла девушка в розовом платье, накинутом на плечи, с белой лисьей шубой

сверху.

Увидев лежащего на кровати Сун Цзиньшу, она тут же побледнела.

Указав пальцем на Сун Цзиньшу, который был укутан в одеяло как капуста, она едва смогла выговориться, и в конце лишь топнула ногой:

— Как ты ещё смеешь лежать на кровати брата Янь Чэна!

Сун Цзиньшу посмотрел на звук и тоже изменился в лице, но очень быстро это сменилось растерянностью и страхом.

Это была Тао Сюэцзяо, младшая сестра друга Янь Чэна, которая давно жила в заднем дворе дома Янь. Служанки говорили, что если бы не появился этот Сун Цзиньшу без рода и племени, но с брачным договором, то Тао Сюэцзяо непременно стала бы хозяйкой дома Янь.

С тех пор как Сун Цзиньшу женился на Янь Чэне и вошёл в дом Янь, Тао Сюэцзяо постоянно искала предлог, чтобы устроить ему неприятности. Сун Цзиньшу обычно избегал её, и это проходило, но в этот раз её увидели на кровати Янь Чэна Тао Сюэцзяо.

Увидев, что Сун Цзиньшу не двигается, Тао Сюэцзяо чуть было не перекусила свои серебряные зубы. На её лице читались и гнев, и ревность. Она подошла к Сун Цзиньшу и резко отдернула одеяло.

— Ты этот бесстыдный деревенщина, как ещё смеешь днём спать на...

Голос Тао Сюэцзяо оборвался. Она смотрела на Сун Цзиньшу под одеялом, и кровь прилила к голове.

Она взмахнула рукой, собираясь опустить пощёчину.

<http://bllate.org/book/16689/1531810>